

Радикальный ислам в субъектах Дальневосточного федерального округа: история и современное состояние

С. М. Дударенок

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
Владивосток, Российская Федерация*

Введение. В настоящее время наиболее серьезным идеологическим вызовом целостности российского ислама стал так называемый радикальный ислам, который все настойчивее проникает в поликонфессиональное пространство России, традиционно отличающееся стабильностью и спокойствием. Одним из тревожных регионов является российский Дальний Восток. Актуальность темы исследования определяется необходимостью научного анализа причин распространения радикального ислама на территории Дальневосточного федерального округа (ДФО), особенно в контексте формирования «полярного ислама» как закономерного продукта трудовой миграции в постсоветской России.

Содержание. В статье рассматривается история распространения и деятельности различных исламистских организаций на территории Дальневосточного федерального округа; определяется роль в этом процессе мигрантов из стран Центральной Азии; выявляются основные группы последователей радикального ислама в ДФО, участники радикальных исламских организаций и их единичные последователи. Особое внимание уделяется деятельности вербовщиков в террористические организации как местного населения, так и мигрантов из стран Центральной Азии.

Выводы. В ДФО наблюдается рост религиозного радикализма, демографические перемены в регионе вписываются в общий контекст продвижения ислама по территории Российской Федерации в восточном и северном направлениях – на Дальнем Востоке и Крайнем Севере. На российском Дальнем Востоке вполне может появиться своего рода исламистский плацдарм, влияние которого не ограничится только Россией.

Ключевые слова: ислам, Дальневосточный федеральный округ, экстремизм, радикальный ислам, мигранты, правоохранительные органы, террористические организации, религия, верующие, «русские мусульмане».

Для цитирования: Дударенок С. М. Радикальный ислам в субъектах Дальневосточного федерального округа: история и современное состояние / С. М. Дударенок // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2022. – № 3. – С. 152–169. DOI 10.35231/18186653_2022_3_152

Radical Islam in the subjects of the Far Eastern federal district: history and current state

Svetlana M. Dudarenok

*Institute of the Far East Peoples History, Archeology and Ethnography,
Russian Academy of Science Far East Branch
Vladivostok, Russian Federation*

Introduction. Currently, the most serious ideological challenge to the integrity of Russian Islam has become the so-called radical Islam, which is increasingly penetrating the multi-confessional space of Russia, traditionally characterized by stability and tranquility. One of the disturbing regions is the Russian Far East. The relevance of the research topic is determined by the need for scientific analysis of the causes of the spread of radical Islam in the Far Eastern Federal District, especially in the context of the formation of “polar Islam” as a natural product of labor migration in post-Soviet Russia.

Content. The article examines the history of the spread and activities of various Islamist organizations in the Far Eastern Federal District; determines the role of migrants from Central Asian countries in this process; identifies the main groups of followers of radical Islam in the Far Eastern Federal District, members of radical Islamic organizations and their individual followers. Particular attention is paid to the activities of recruiters to terrorist organizations of both the local population and migrants from Central Asian countries.

Conclusions. In the Far Eastern Federal District, there is an increase in religious radicalism, demographic changes in the region fit into the general context of the promotion of Islam on the territory of the Russian Federation in the eastern and northern directions – in the Far East and the Far North, a kind of Islamist springboard may well appear in the Russian Far East, the influence of which will not be limited only to Russia.

Key words: Islam, Far Eastern Federal District, extremism, radical Islam, migrants, law enforcement agencies, terrorist organizations, religion, believers, “Russian Muslims”

For citation: Dudarenok, S. M. Radikal'nyj Islam v sub"ektakh Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga: istoriya i sovremennoe sostoyanie [Radical Islam in the subjects of the Far Eastern Federal district: history and current state]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No 3. pp. 152–169. (In Russian). DOI 10.35231/18186653_2022_3_152

Введение

Постановка проблемы. События последнего десятилетия XX в. показали, что наиболее серьезным идеологическим вызовом целостности российского ислама и всех исторически распространенных религий в России, включая христианство и буддизм, стал вызов радикального ислама, который специалисты называют салафизмом или «чистым исламом», а традиционные мусульманские лидеры – ваххабизмом [5, с. 112–128].

Если прежде главными целями миссионерства салафитов были в основном регионы компактного проживания мусульман, то на современном этапе идет настойчивое проникновение салафизма в поликонфессиональное пространство России, традиционно отличающееся стабильностью и спокойствием. Одним из таких регионов является российский Дальний Восток.

Актуальность темы исследования определяется необходимостью научного анализа причин распространения радикального ислама на территории Дальневосточного федерального округа (ДФО); роли в этом процессе мигрантов из стран Центральной Азии; выявления основных групп последователей радикального ислама в ДФО и мер профилактики противоправного поведения как членами радикальных исламских организаций, так и их единичными последователями.

Целями данной статьи являются: анализ деятельности основных групп последователей радикального ислама в ДФО (мигранты; местные татары и башкиры, попавшие под влияние радикальных проповедников; представители народов, исторически не исповедующие ислам, воспринявшие его «модернизованную» форму); деятельность на территории ДФО радикальных исламских организаций и проникновение исламских радикалов в исправительные учреждения, расположенные в субъектах Дальневосточного федерального округа.

Обзор литературы

Различные проявления «исламского фактора» в жизни России, причины радикализации российского ислама и история деятельности различных радикальных организаций все чаще привлекают внимание исследователей. Данные проблемы рассматривали Д. С. Вояковский, И. П. Добаев, А. А. Игнатенко, А. В. Малашенко, Р. Г. Ланда, Р. Р. Сулейманов, О. С. Черевков, М. Я. Яхьяев и многие другие [2; 3; 7; 8; 9; 14; 15; 20].

Проявления «исламского фактора» в жизни Дальнего Востока России, особенно в контексте формирования так называемого «полярного ислама» [13], начинают привлекать внимание и дальневосточных ученых [1; 4; 11; 12; 19]. Данную проблему исследовали хабаровские социологи Э. В. Королева и Н. В. Шульженко (перу Н. В. Шульженко¹ принадлежит и ряд статей по проблемам места и роли «исламского фактора» в социальных процессах на российском Дальнем Востоке) [16; 17; 18].

Заметным событием в историографии проблемы является выход в свет книги «Мусульмане на Дальнем Востоке России: история и современность», в которой рассмотрена история дальневосточной уммы с момента ее возникновения до наших дней [10], а также статьи А. Малашенко и А. Старостина, по этим же проблемам [6].

Несмотря на наличие определенного интереса к истории дальневосточной уммы, многие проблемы, связанные с жизнью и деятельностью мусульман, взаимодействие мигрантов с принимающим сообществом, риски, связанные с неконтролируемой миграцией, распространением радикального ислама в ДФО и угроз в связи с этим национальной безопасности не нашли еще достаточного освещения в научной литературе.

Материалы и методы

Методология, избранная автором для настоящего исследования, включает в себя компаративный анализ деятельности радикального ислама в жизни Дальнего Востока России; появление и распространение исламизма в различных субъектах ДФО; отношение к радикальному исламу общества и власти. Работа основывается на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования опирается на метод научного описания.

Содержание исследования

В ДФО в постсоветский период действовали или действуют ячейки ряда радикальных организаций, состоящих как из мигрантов, так и из местного мусульманского населения. В их числе «Исламская партия Туркестана» (ИПТ, прежнее название – «Исламское движение Узбекистана», ИДУ), «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»,

¹ Королева Э. В. Мусульмане в социально-стратификационной структуре российского общества (на примерах Приморского края): автореф. дис. ...канд. соц. наук. Хабаровск, 2006. 22 с.; Шульженко Н. В. Исламский фактор в социальных процессах на Дальнем Востоке России: автореф. дис. ... канд. социолог. наук. Хабаровск, 2009. 24 с.

[156] «Имарат Кавказ», «Таблиги Джамаат», «Нурджулар», «Хайят Тахрир аш-Шам», «Джебхат ан-Нусра», «Катиба Таухид валь-Джихад» и др. С середины 2010-х гг. основную угрозу национальной безопасности представляют последователи «Исламского государства» (ИГ)¹, о чем в августе 2015 г. заявил секретарь Совета безопасности РФ Н. П. Патрушев.

Глава Совбеза отмечал, что террористическая группировка «Исламское государство» пытается вербовать в свои ряды трудовых мигрантов, которые работают на Дальнем Востоке России. По его словам, «сейчас как в таежных поселках, так и в крупных городах Дальнего Востока пытаются незаконно легализоваться граждане других государств, среди которых могут быть и подозреваемые в причастности к международным террористическим и экстремистским организациям и незаконным вооруженным формированиям», что в дальневосточном регионе «в той или иной степени отмечаются угрозы национальной безопасности»².

Все перечисленные организации признаны в РФ экстремистскими и террористическими и запрещены. Наиболее активно радикальные исламистские организации действовали в ДФО в нулевые и десятые годы, но и в настоящее время почти во всех субъектах ДФО отмечены случаи деятельности исламских радикалов. Наибольший резонанс получило в ДФО так называемое дело о банде исламистов, действовавшей во Владивостоке в 2008–2011 гг. и входившей в состав «Исламской партии Туркестана» [7].

У главы банды уроженца Узбекистана А. Гулямова типичная судьба мигранта: приехал в столицу Приморья в 1993 г., занимался торговлей и строительными работами. До эмиграции в Россию проходил обучение в Ферганской долине под руководством одного из идеологов ИДУ Абдували-кюри Мирзоева. Во Владивостоке А. Гулямов установил контакты с неформальным лидером узбекской диаспоры Приморья Х. Нурматовым, приобрел фальшивое удостоверение ветерана боевых действий в Афганистане и на основании этого документа получил четырехкомнатную квартиру, построил частный дом, в котором организовал «мусульманское общежитие», через которое легализовывались узбекские мигранты³. В 2005 г. А. Гулямов на короткое время вернулся в Узбекистан, где купил паспорта для пятерых участников «Ханабадского джамаата» – ради-

¹ Прежнее название «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ).

² Глава Совбеза: ИГИЛ на Дальнем Востоке вербует мигрантов. [Электронный ресурс]. URL: <https://nazaccent.ru/content/17366-glava-sovbeza-igil-na-dalнем-vostoke.html> (дата обращения: 25.02.2022).

³ Полевые дневники автора. Беседа со следователем по данному делу, 20 мая 2010 г.

кальной группировки, обвиняемой в экстремистской деятельности на территории Узбекистана, после чего на своем автомобиле вывез их из Андижанской области. После возвращения во Владивосток они сформировали основу нового «джамаата», который должен был стать базой салафитского подполья Приморского края.

Поначалу узбекские радикалы не пользовались авторитетом среди мусульман города. Однако в 2007 г. Гулямов и Нурматов вовлекли в свой «джамаат» имама молельного дома Владивостока А. Абдулхамитова и некоторых прихожан, среди которых было немало выходцев с Северного Кавказа. При посредничестве Гулямова несколько членов «джамаата» отправились на афгано-пакистанскую границу, где приняли участие в боевых действиях. Некоторые переехали в Сирию и Египет¹. С 2008 по 2009 гг. были арестованы 12 активистов «Приморского джамаата», в том числе имам Абдулхамитов. 14 марта 2009 г. во Владивостоке в ходе спецоперации были уничтожены три члена этой группировки. В «квартире, где обитали бандиты, было найдено большое количество исламской литературы радикального толка, видеозаписи. У преступников изъято большое количество оружия и боеприпасов, привезенных из Чечни» [6]. В 2011 г. приморские правоохранительные органы в тесном взаимодействии со спецслужбами Узбекистана и Казахстана провели мероприятия, направленные на нейтрализацию остатков группировки. Всего силами правопорядка Приморского края была пресечена преступная деятельность более 30 человек, большинство из которых депортированы в Киргизию и Узбекистан.

На Сахалине в 2010-х гг. активно действовали сторонники «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (ХТИ). В 2013 г. сотрудники ФСБ и МВД по Сахалинской области задержали бывшего военнослужащего Г. Габеева, который в 2012–2013 гг. привлек к участию в ХТИ пятерых жителей Южно-Сахалинска. Габеев проводил с завербованными занятия, где проповедовал создание халифата, оправдывал действия террористов на Северном Кавказе. В квартире Габеева было изъято 16 боевых патронов калибра 9 мм, две ручные противопехотные оборонительные гранаты Ф-1 и два взрывателя к ним, а также удостоверение сотрудника «Федерального агентства правопорядка. Антитеррористический центр», внешне имеющее сходство с удостоверением сотрудника ФСБ [6].

В 2009–2010 гг. в Бурятии и Забайкалье было отмечено присутствие экстремистской организации «Таблиги Джамаат» («Группа

¹ Полевой дневник автора. Беседа со следователем по данному делу, 20 мая 2010 г.

[158] посланников»). На стенах домов в Улан-Удэ были зафиксированы агрессивные воззвания, сделанные самодельным трафаретом: «Молись русский, молись бурят, сыны Аллаха объявляют тебе джихад». Подобные высказывания появлялись и на домах некоторых населенных пунктов Забайкалья.

Весной 2010 г. прокуратура Забайкальского края совместно с УФСБ России по Забайкальскому краю провели проверку фактов распространения в г. Чите и регионе идеологии, запрещенной в мае 2009 г., организации «Таблиги Джамаат». По материалам проверки было возбуждено уголовное дело в отношении гражданина РФ Н. Кыдыралиева, являющегося неформальным лидером местной ячейки данной организации. Суд признал его виновным в «организации деятельности экстремистской организации» и назначил наказание в виде лишения свободы сроком на полтора года условно с испытательным сроком в полтора года. В марте 2010 г. деятельность организации в Забайкалье была пресечена, были задержаны более 20 участников движения. По мнению следствия, проповедники «Таблиги Джамаат» были сосредоточены на замещении традиционного для России ислама его радикальными течениями. Кроме того, члены этого объединения замечены в связях с террористами, в том числе с «Аль-Каидой»¹. В 2009–2010 гг. небольшие ячейки «Таблиги Джамаат» действовали в Хабаровском крае и сопредельных с ним регионах².

В сентябре 2013 г. Хабаровский краевой суд признал граждан Таджикистана М. Маханова, А. Сатторова и А. Давлатова виновными в участии в деятельности террористической организации «Исламская партия Туркестана» (ИПТ) (ранее Исламское движение Узбекистана – ИДУ) [6].

Начиная с 2010-х гг. и до настоящего времени в ДФО активно работают вербовщики боевиков ИГИЛ (ИГ). Чаще всего ими являются мигранты из стран Центральной Азии. Вербовка приморцев в ИГ активно шла в 2015–2016 гг.³ В 2016–2017 гг. Хабаровский край с относительно небольшой численностью мусульманского населе-

¹ Осужден главарь местных экстремистов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1489579> (дата обращения: 19.02.2022).

² В Бурятии осужден проповедник радикального исламского учения «Таблиги Джамаат» [Электронный ресурс]. URL: https://fedpress.ru/federal/polit/society/id_223918.html (дата обращения: 17.02.2022).

³ Экстремисты вербуют приморцев в запрещенную в России организацию [Электронный ресурс]. – URL: <https://vestprim.ru/news/ptrnews/43651-ekstremisty-verbuyut-primorcev-voevat-nastorone-zapreshchennoy-v-rossii-organizacii.html> (дата обращения: 11.02.2022).

ния становится лидером по числу случаев отъезда в ряды ИГ с территории Дальнего Востока¹.

Сахалинские игиловцы в 2017 г. планировали даже провести серию террористических актов в местах массового скопления людей, и только профессиональные действия сотрудников Управления ФСБ по Сахалинской области позволило предотвратить трагедию. В апреле 2019 г. два приверженца ИГ были осуждены за подготовку теракта в Южно-Сахалинске. Решением Дальневосточного окружного военного суда они получили по 11 лет лишения свободы².

Последователей радикального ислама в Дальневосточном федеральном округе можно разделить на три группы. Первая – это мигранты с Северного Кавказа и из стран Центральной Азии. Вторая – татары и башкиры, попавшие под влияние радикальных проповедников. Наконец, третья группа – это представители народов, исторически не исповедующих ислам, воспринявшие его «модернизированную» форму.

Интенсивные внутренние миграционные потоки, характерные для постсоветской России, привели к появлению мусульманских общин вдали от традиционных регионов его распространения – на пространстве от Дальнего Востока до Крайнего Севера. В результате к Северному Кавказу и Поволжью добавляется еще один регион с сильным мусульманским влиянием, получивший в научной литературе название «полярный ислам» [13].

Особенностью образа жизни этих мигрантов является закрытая общинность, слабая инкорпорированность в принимающее общество [11, с. 17–26; 12, с. 156–167]. Мигранты привезли на Дальний Восток наследие исторических конфликтов, происходящих между народами бывшего СССР. В результате в 1990–2000-е гг. в ДФО осложнились отношения между киргизской, таджикской, узбекской, северокавказской и татаро-башкирской диаспорами.

Анализ интернет-источников дает основание утверждать, что мигранты – последователи радикального ислама – проживают во всех субъектах ДФО и только благодаря результативной деятельности правоохранительных органов в регионе не было совершено

¹ Очередной игиловец из Хабаровского края получил 5 лет строгого режима [Электронный ресурс]. URL: http://www.alfurkan.ru/index.php?option=com_zoo&task=item&item_id=178&Itemid=111 (дата обращения: 21.02.2022).

² Двух приверженцев радикального движения за подготовку теракта в Южно-Сахалинске отправили в тюрьму [Электронный ресурс]. URL: <https://astv.ru/news/criminal/2019-10-04-dvuh-priverzhencev-radikal-nogo-dvizheniya-za-podgotovku-terakta-v-yuzhno-sahalinske-otpravili-v-tyur-mu> (дата обращения: 12.02.2022).

[160] террористических актов и других явных проявлений деятельности мигрантов-радикалов.

По словам бывшего муфтия Хабаровского края, а теперь руководителя регионального общественного движения мусульман Хабаровского края «Содружество» Хамзы Кузнецова, именно мигранты являются основной питательной средой для распространения на Дальнем Востоке России идей ИГ. По его словам, задача провокаторов из ИГ – повернуть вектор вероисповедания мигрантов из стран Центральной Азии «в сторону радикализма, агрессии и действий экстремистского характера»:

«в поле зрения вербовщиков чаще всего попадают безработные мигранты, которым за участие в ИГ предлагают 50 тыс. рублей в месяц», «на фоне обостряющегося экономического кризиса, особенно при ужесточении миграционного законодательства, это может побудить молодежь ехать на заработки к боевикам»¹.

С мигрантами связана и проблема возникновения на Камчатке такого явления как «корабельные, или трюмные, джамааты». В дальневосточной акватории зачастую ходят рыболовецкие суда без портов приписки. Они появляются там от путины к путине, на очень короткий период времени, поэтому на них надзорные органы не обращают особого внимания. В экипажах этих судов на неквалифицированных судовых ролях работают мигранты. Никаких документов на них не оформляют, за ними никто не следит. Эта «черная рабочая сила» создает на борту трюмные джамааты, вовлекая туда остальных рыбаков. Долгое время занятые выявлением «экстремистски заряженных гостей» с Кавказа, Центральной Азии, Ближнего Востока, Пакистана, органы власти мало обращали внимание на то, что происходит с «приплывающими» из Юго-Восточной Азии. А там, как свидетельствуют СМИ, возникают свои «горячие точки» [19, с. 24–28].

Радикальные воззрения в ходе «исламского возрождения» появились в постсоветский период и в среде дальневосточных мусульман татарского и башкирского происхождения. Во многом это связано с противоречивостью самого процесса возрождения ислама в ДФО, который сопровождался конфликтами как с органами власти и представителями других религий, так и конфронтацией внутри самих мусульманских общин. В 1989–2010 гг. татарское и башкирское население в ДФО сократилось на 55%: определенная часть мусульман переселилась в другие регионы России из-за экономи-

¹ Хамза Кузнецов: Около 20% мусульман в Хабаровском крае поддерживают ИГИЛ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dvnovosti.ru/khab/2015/10/20/41107/> (дата обращения: 21.02.2022).

ческих трудностей 1990–2000-х гг.; другая – увлеклась радикальной идеологией, активно распространяемой среди местных мусульман проповедниками из стран Центральной Азии и регионов Северного Кавказа.

Так, например, в 2002 г. правоохранительными органами РФ задержан И.-Ш.А. Хасуханов, который до 1997 г. проходил службу на флоте в звании капитана 2-го ранга в г. Вилючинске Камчатского края и в должности заместителя командира атомной подводной лодки по воспитательной работе. После увольнения из армии он был назначен А. Масхадовым на одну из должностей в вооруженных силах Ичкерии. При аресте Хасуханова был обнаружен план по захвату боевиками, с целью ядерного шантажа, атомной подводной лодки на одной из военно-морских баз Тихоокеанского флота [19, с. 27–28].

В декабре 2020 г. Первый Восточный окружной военный суд в Хабаровске приговорил к восьми и девяти годам лишения свободы двоих татар – сторонников запрещенной в России террористической организации «Хайят Тахрир аш-Шам» – С. В. Нуруддина и Д. Р. Велитова, которые, вдохновившись идеями радикального ислама, приняли участие в деятельности вышеуказанной террористической организации путем ее финансирования. Первые два года от назначенного срока оба проведут в тюрьме, а затем будут отбывать наказание в колонии строгого режима¹.

Ярким выразителем негативного образа ислама не только для дальневосточников, но и для всего населения России в 2000-е гг. стал уроженец Бурятии, идеолог движения «Имарат Кавказ», сын бурята и русской, воспитанный отчимом-чеченцем Александр Тихомиров, более известный как Саид Бурятский (Сайд абу Саад аль-Буряти). Он был убит 2 марта 2010 г. в ходе спецоперации в ингушском селе Экажево [16, с. 121–122].

В 2008 г., когда северокавказские боевики провозглашают создание так называемого Эмирата Кавказ, им удастся убедить Саида Бурятского примкнуть к их рядам и уйти в вооруженное подполье. Считается, что с привлечением Саида Бурятского кавказские сепаратисты одержали очень важную идеологическую победу в душах верующих. На Кавказ начали стекаться сотни добровольцев со всего

¹ В Хабаровском крае два сторонника радикального ислама получили восемь и девять лет колонии [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/10185051> (дата обращения: 21.02.2022); В Хабаровске радикальные исламисты, финансировавшие террористическую организацию, получили реальные сроки [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hab.kp.ru/daily/21712096/4333901/> (дата обращения: 18.02.2022).

[162] бывшего Советского Союза, для которых Саид Бурятский был непререкаемым авторитетом, своего рода «духовным Че Геварой»¹. В 2008 г. на сетевых ресурсах Бурятии активизировались сторонники Саида Бурятского из местного бурятского населения. Они открыто позиционировали себя приверженцами радикального ислама, делали различные агрессивные заявления, и даже открыто угрожали оппонентам физической расправой: это были Жаргал Дарханов, Салман Цыбиков и члены их ячейки.

О Ж. Дарханове известно не так уж много: окончил Бурятский государственный университет (БГУ), некоторое время работал преподавателем, пробовал заниматься бизнесом, проживал в микрорайоне Энергетик, мать – бывший сотрудник МВД, одно время он симпатизировал Бурятскому региональному отделению КПРФ и был в числе активистов, хотя формально в партии не состоял. По некоторым сведениям, был в Бурятии одним из лидеров ячейки салафитов, которую возглавлял Солбон Цыбиков, в исламе принявший имя Салман².

В 2000-е гг. довольно популярным среди российских салафитов был уроженец Верхневилуйского улуса Якутии Республика Саха – Д. Данилов (Денисов) – боевик, убитый в Дагестане летом 2010 г. Бывший милиционер и сотрудник ФСИН, известный у дагестанских боевиков под кличкой Якут, всерьез считал, что принятие ислама избавит его народ от пьянства.

Среди новообращенных мусульман славянского происхождения Хабаровского края наиболее популярной является идеология двух террористических организаций «Джебхат ан-Нусра» и «Исламское государство». Так, например, в августе 2017 г. в Хабаровске суд вынес приговор 24-летнему горожанину, который вербовал местных жителей в ряды боевиков. Вербовщика по имени Иван и двоих его единомышленников задержали в аэропорту краевой столицы. Известно, что Иван пять лет учился в хабаровской синагоге, затем, поменяв религию, стал посещать мечеть. В 2015 г. Иван (Умар) отправился в Дагестан, где учился в медресе, а после возвращения на родину стал вести агитацию среди ровесников. При этом он продолжал поддерживать связь с членами террористических организа-

¹ Майтанов В. Саид Бурятский убит, но успел вовлечь в «джихад» некоторых молодых казахов [Электронный ресурс]. URL: https://rus.azattyq.org/a/Said_Buryatskiy_Said_Abu_Saad_alBuryati_Alexander_Tikhomirov/1975721.html (дата обращения: 18.02.2022).

² Алтанова К. Шупальца ваххабизма проникли и в Бурятию [Электронный ресурс]. URL: <https://ulanude.sm.news/shhupalca-vaxhabizma-pronikli-i-v-buryatiyu-4704/> (дата обращения: 17.02.2022).

ций. Молодого человека приговорили к пяти годам колонии общего режима¹.

В Камчатском крае в последние два-три года в среде исламских неофитов славянского происхождения появились желающие вступить в ИГ. Так, в марте 2019 г. Дальневосточный окружной военный суд приговорил жителя Камчатки к 10 годам тюрьмы, признав его виновным в попытке вступить в ИГ, а также вербовке в ряды террористической ячейки жителей полуострова. В апреле 2017 г. мужчину задержали при попытке выехать за границу. Против него возбудили дело по двум статьям УК РФ – ч. 1 ст. 30, ч. 2 ст. 205.5 (приготовление к участию в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством РФ признана террористической) и ч. 1 ст. 205.1 (содействие террористической деятельности)².

В Забайкальском крае в нулевые годы большой популярностью среди неофитов пользовалась идеология «Таблиги Джамаат». Так, например, в конце 1990-х гг. житель Читы В. Чернобровкин принял ислам и отправился в Чечню, где проходил обучение в одном из лагерей полевого командира Хаттаба. С 2001 по 2008 г. он отбывал заключение в колонии строгого режима в Забайкалье, а после освобождения вновь отправился на Северный Кавказ и присоединился к группе Абдул Малика Алиева. В августе 2009 г. его уничтожили силовики в ходе спецоперации в селе Кантышево Назрановского района Ингушетии.

На стороне боевиков воевал и житель г. Борзи Забайкальского края С. Фокин, убитый силовиками в 2000-е гг. А в 2012 г. суд в Карачаево-Черкесии обвинил в терроризме В. Аверьянова, несколько лет проживавшего в столице Забайкалья. На присоединение к боевикам В. Аверьянова подтолкнул управляющий делами читинской мечети Муса Камурзоев [16, с. 126–127].

В октябре 2010 г. Ингодинский районный суд Читы приговорил М. М. Камурзоева к трем годам лишения свободы за незаконное хранение взрывного устройства, обнаруженного сотрудниками ФСБ в Соборной мечети. В средствах массовой информации Забайкальского края была распространена информация, что М. М. Камурзоев участвовал в подготовке теракта, который якобы должен был произойти в Чите 9 мая 2010 г. во время Парада Победы. Дальнейшего

¹ Пять лет колонии получил хабаровчанин за попытку отправиться в Сирию [Электронный ресурс]. URL: http://www.alfurkan.ru/index.php?option=com_zoo&task=item&item_id=187&Itemid=111 (дата обращения: 21.02.2022).

² На Камчатке осудили неудавшегося игиловца [Электронный ресурс]. URL: <https://islamnews.ru/news-na-kamchatke-osudili-neudavshegosya-igilovca> (дата обращения: 23.02.2022).

[164] подтверждения эта информация не нашла, но поскольку День Победы является одним из наиболее прочных позитивных и интеграционных образов современной России, факт посягательства на него спровоцировал негативную реакцию населения¹.

«Русские» мусульмане в ДФО сравнительно немногочисленны, но, по замечанию одного из российских исламоведов Р. Р. Сулейманова, «они поставили террористическому подполью больше рекрутов, чем российские татары» [14, с. 10].

Пропаганда радикального ислама отмечена также в тюрьмах и колониях, расположенных на территории Дальневосточного федерального округа. Криминальный мир с его набором ценностей и мировоззренческих установок дает много возможностей радикалам для вербовки в свои ряды новых последователей, оказавшихся за решеткой по бытовым статьям Уголовного кодекса.

Практика вовлечения криминального элемента в ряды исламистов прямо на территории пенитенциарных учреждений получила название в литературе «тюремный джихад». Взять в руки оружие и убить человека «на пути джихада» – требует определенной смелости и морально-психологической устойчивости. И кто, как не уголовники, могут быть способны на такие поступки. Тем более что ценности зоны, построенной на системе неписаных воровских законов, легко могут быть подменены ценностями религиозного экстремизма: «жить по понятиям» – «жить по шариату», «государство ментовское» – «государство кяферское» (кяфер – неверный) и т. д.² В 2016 г. бывший заключённый исправительной колонии № 8 на территории Бурятии В. Луковенко, давая интервью СМИ, рассказал о существовании в ней крепкой и опасной ячейки исламистов³. Пресс-служба бурятского УФСИН с возмущением отрицала эти заявления. Что, тем не менее, не может на 100% гарантировать, что В. Луковенко говорил неправду или что-то сильно приукрашивал.

Пропаганда радикального ислама проходила и среди заключенных сахалинских колоний. Так, например, в марте 2018 г. житель Сахалина, отбывший наказание в ИК-1сроком 4,5 года за незаконный оборот наркотиков и оружия, получил два года колонии строго-

¹ Самодельное взрывное устройство изъято у жителя Читы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chita.ru/news/22375/> (дата обращения: 19.02.2022).

² Сулейманов Р. Р. Тюремный халифат. Радикальный ислам массово распространяется в учреждениях пенитенциарной системы России [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/24595-tyuremnyy-halifat-radikalnyy-islam-massovo-rasprostranyaetsya-v-uchrezhdeniyah-penitenciarnoy-sistemy-rossii.html> (дата обращения: 19.02.2022).

³ Бывший заключённый колонии в Улан-Удэ рассказал, как радикальный ислам закрепляется в тюрьмах [Электронный ресурс]. URL: <https://www.baikal-daily.ru/news/16/205855/> (дата обращения: 19.02.2022).

го режима за пропаганду радикального ислама среди заключенных. По данным следствия, он «в период отбывания наказания в исправительном учреждении пропагандировал радикальный ислам, вёл разъяснительную работу среди осуждённых по оправданию терроризма, разделяя исламскую идеологию радикального характера, будучи солидарен с идеологией ИГИЛ». Дальневосточный окружной военный суд признал его виновным по ч. 1 ст. 205.2 УК РФ (публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма) и назначил наказание в виде лишения свободы сроком на 2,5 года с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима¹.

На территории Магаданской области в настоящее время отбывают наказание 11 чел., связанных с деятельностью террористических экстремистских организаций и еще 6 чел. отбывают наказание за общеуголовные преступления, совершенные в составе экстремистских формирований. Все они отбывают срок в колонии строгого режима, находящейся в поселке Уптар².

Не исключено, что в пенитенциарных учреждениях могут возникать настоящие лагеря для пропаганды призыва к джихаду, вербовки боевиков и возможности для некоторых заключенных обретения авторитета для дальнейшей работы в среде последователей радикального ислама.

Выводы

Подводя итоги анализу распространения на территории ДФО радикального ислама, можно сделать несколько выводов:

Во-первых, процессы, происходящие в мусульманской умме Дальневосточного федерального округа, являются частью перемен в российской умме. В ДФО наблюдается рост религиозного радикализма. Свои позиции на Дальнем Востоке стремятся усилить ряд террористических экстремистских организаций, в том числе «Исламская партия Туркестана», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», «Имарат Кавказ», «Таблиги Джамаат», «Нурджулар», «Хайят Тахрир аш-Шам», «Джебхат ан-Нусра», «Катиба Таухид валь-Джихад», «Исламское государство» и др., пытающиеся вести вербовку местных мусульман,

¹ Житель Сахалина осужден за пропаганду терроризма в колонии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/604498> (дата обращения: 12.02.2022); На Сахалине заключенный получил новый срок за пропаганду радикального ислама [Электронный ресурс]. URL: <https://sakhalin.info/news/179683> (дата обращения: 12.02.2022); Сахалинца задержали за пропаганду радикального ислама в колонии [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20170914/1504733762.html> (дата обращения: 12.02.2022).

² Мифтахудинова Н. Тюрьма больше не то место, которого боятся // Вечерний Магадан. 02.02.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://magadan.bezformata.com/listnews/tyurma-bolshe-ne-to-mesto-kotorogo/102102688/> (дата обращения: 19.02.2022).

[166] особенно мигрантов. Сохраняются связи между местными исламистами и радикалами из Центральной Азии.

Во-вторых, активность мусульман в ДФО, демографические перемены в регионе вписываются в общий контекст продвижения ислама по территории Российской Федерации в восточном и северном направлениях – на Дальнем Востоке и Крайнем Севере. Несмотря на географическую удаленность от конфликтов, связанных с активностью радикального ислама, Дальневосточный федеральный округ, особенно Бурятия, Якутия, Приморский и Хабаровский края, Сахалинская область, не является полностью от них изолированным. Можно предположить, что на российском Дальнем Востоке появится своего рода исламистский плацдарм, влияние которого не ограничится только Россией.

В-третьих, необходимо обратить особое внимание на переход в ислам этнических «русских» дальневосточников. Из международного и российского опыта известно, что мусульманские неопиты особенно склонны к радикализму. Органам власти необходимо знать, какого характера религиозная работа ведется в мечетях, какие проповеди читают имамы. С другой стороны, при работе с мусульманами важно действовать тактично, не провоцируя их, избегая бессмысленных запретов на религиозную литературу и создание молитвенных домов. В Дальневосточном регионе к проблемам национальной безопасности присоединяется и задача сохранения национальной самобытности, духовности, культуры и языка.

В-четвертых, важным фактором профилактики исламского радикализма является продуманная социально-экономическая и конфессиональная политика. Проблемы конфессиональных взаимоотношений должны быть контролируемы не только традициями веры и уважения, а прежде всего строгим исполнением конституционных норм. Если социальные процессы в сфере межконфессиональных и межнациональных отношений будут бесконтрольными как со стороны власти, так и со стороны науки, то это может привести к нежелательным последствиям.

Список литературы

1. Аветисян А. С. Проблемы преступности мигрантов // Приморская умма: история формирования и проблема современного развития / отв. ред. Н. В. Шульгина. – Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2011. – С. 62–70.
2. Вояковский Д. С., Юнусова А. Б. Интервенция радикальных идеологий в российское исламское пространство. – Уфа: БГПУ, ИЗИ УНЦ РАН, 2011. – 92 с.

3. Добаев И. П. Радикализация ислама в современной России. – М.; Ростов-н/Д.: Социально-гуманитарные знания, 2014. – 332 с.
4. Дударенок С. М. Особенности формирования и тенденции развития религиозного пространства Дальнего Востока в постсоветских период // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2015. – Вып. 52. – С. 323–344.
5. Игнатенко А. А. Эндемичный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – № 2 (8). – С. 112–128.
6. Малашенко А., Старостин А. Ислам на российском Дальнем Востоке // Россия в глобальной политике. – 2016. – № 4. [Электронный ресурс]. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/islam-na-rossijskom-dalнем-vostoke/> (дата обращения: 11.02.2022).
7. Малашенко А. В. Ислам для России. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 192 с.
8. Малашенко А. В. Исламская альтернатива и исламский проект. – М.: Весь мир, 2006. – 221 с.
9. Ланда Р. Г. Политический ислам: предварительные итоги. – М.: Институт Ближнего Востока, 2005. – 285 с.
10. Мусульмане на Дальнем Востоке России: история и современность: моногр. / гл. ред. А. Н. Старостин; рук. проекта, отв. редактор А. С. Гарифуллин. – Казань: Алгоритм, 2020. – 656 с.
11. Николаев Э. А. Буддийско-исламские диалоги: конфликт или мирное сосуществование? // Вестник БНЦ СО РАН. – 2015. – № 2 (18). – С. 156–167.
12. Николаев Э. А. Исламизм в буддийском пространстве России // Вестник БНЦ СО РАН. – 2014. – № 4 (16). – С. 17–26.
13. Омаров М. А., Магомедов А. К. Полярный ислам в постсоветской России: рождение феномена в контексте «новой» этно-социальной мобильности // Вестник Московского государственного областного университета. – 2020. – № 4. – С. 103–113.
14. Сулейманов Р. Р. Русские мусульмане: классификация групп, проблема радикализма, отношение к ним в России // Мусульманский мир. – 2015. – № 4. – С. 8–39.
15. Черевков О. С. Проблематика противодействия религиозно-политической идеологии исламизма в контексте обеспечения национальной безопасности России // Россия и мусульманский мир. Научно-информационный бюллетень. – 2021. – № 3 (321). – С. 5–19.
16. Шангараяев Р. Р. История ислама и мусульманских народов России: Хрестоматия. – Казань: ИД «МедДок», 2020. – 308 с.
17. Шульженко Н. В. Исламский радикализм и его угрозы для национальной безопасности государства // Социальные практики и социальное прогнозирование / под ред. И. Ф. Ярулина. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2009. – С. 98–108.
18. Шульженко Н. В. Миграционные процессы в структуре жизненных проблем Дальневосточного Федерального округа России // Социальная реальность в региональном измерении / под ред. И. Ф. Ярулина. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2009. – С. 33–43.
19. Янков А., Старостин А. Мусульмане Камчатского края в панораме веков и обстоятельств // Мусульманский мир. – 2018. – № 2. – С. 24–28.
20. Яхьяев М. Я. Причины радикализации ислама в современном мире // Исламоведение. – 2012. – № 2. – С. 4–14.

References

1. Avetisyan, A. S. (2011). Problemy prestupnosti migrantov [Problems of crime of migrants]. *Primorskaya umma: istoriya formirovaniya i problema sovremennogo razvitiya* [Primorskaya Umma: the history of formation and problems of modern development] ed. by N. V. Shulgina. Vladivostok: Izd-vo Dalnevost. federal. un-ta. pp. 62–70. (In Russian).
2. Voyakovskij, D. S., Yunusova, A. B. (2011). *Interventsiya radikalnykh ideologiy v rossijskoe islamskoe prostranstvo* [Intervention of radical ideologies in the Russian Islamic space] Ufa: BGPU, IEI UNC RAN. 92 p. (In Russian).
3. Dobaev, I. P. (2014). *Radikalizatsiya islama v sovremennoj Rossii* [Radicalization of Is-

- [168] lam in Modern Russia] Moskva; Rostov-na-Donu: Sotsialno-gumanitarnye znaniya. 332 p. (In Russian).
4. Dudarenok, S. M. (2015). Osobennosti formirovaniya i tendentsii razvitiya religioznogo prostranstva Dal'nego Vostoka v postsovetskij period [Features of the formation and tendencies of development of the religious space of the Far East in the post-Soviet period]. *Dialog so vremenem. Almanakh intellektualnoj istorii* [Dialogue with Time: an Almanac of Intellectual history] No. 52. pp. 323–344. (In Russian).
 5. Ignatenko, A. A. (2000). Endogennyj radikalizm v islame [Endogenous radicalism in Islam]. *Tsentralnaya Aziya i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus] No. 2 (8). pp. 112–128. (In Russian).
 6. Malashenko, A., Starostin, A. (2016). Islam na rossijskom Dal'nem Vostoke [Islam on the Russian Far East]. *Rossiya v globalnoj politike* [Russia in Global Politics] No. 4. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/islam-na-rossijskom-dalnem-vostoke/> (Data obrashcheniya: 11.02.2022). (In Russian).
 7. Malashenko, A. V. (2007). *Islam dlya Rossii* [Islam for Russia]. Moskva: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN). 192 p. (In Russian).
 8. Malashenko, A. V. (2006). *Islamskaya alternativa i islamskij proekt* [Islamic Alternative and Islamic Project]. Moskva: Ves' mir. 221 p. (In Russian).
 9. Landa, R. G. (2005). *Politicheskij islam: predvaritel'nye itogi* [Political Islam: preliminary results]. Moskva: Institut Blizhnego Vostoka. 285 p. (In Russian).
 10. Musul'mane na Dal'nem Vostoke Rossii: istoriya i sovremennost'. (2020) [Muslims in the Russian Far East: history and modernity] ed by A. N. Starostin; chief red. A. S. Garifullin. Kazan': Algoritm+. 656 p. (In Russian).
 11. Nikolaev, E. A. (2015). Buddijsko-islamskie dialogi: konflikt ili mirnoe sosushchestvovanie? [Buddhist-Islamic dialogues: conflict or peaceful coexistence?]. *Vestnik BNC SO RAN*. No. 2 (18). pp. 156–167. (In Russian).
 12. Nikolaev, E. A. (2014). Islamizm v buddijskom prostranstve Rossii [Islamism in the Buddhist Space of Russia]. *Vestnik BNC SO RAN*. No. 4 (16). pp. 17–26. (In Russian).
 13. Omarov, M. A., Magomedov, A. K. (2020). Polyarnyj islam v postsovetskoj Rossii: rozhdenie fenomena v kontekste "novoj" etno-sotsial'noj mobil'nosti [Polar Islam in post-Soviet Russia: the birth of a phenomenon in the context of "new" ethno-social mobility]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Moscow State Regional University Bulletin] No. 4. pp. 103–113.
 14. Sulejmanov, R. R. (2015). Russkie musulmane: klassifikatsiya grupp, problema radikalizma, otnoshenie k nim v Rossii [Russian Muslims: classification of groups, the problem of radicalism, attitude to them in Russia]. *Musul'manskij mir* [The Muslim world] No. 4. pp. 8–39. (In Russian).
 15. Cherevko, O. S. (2021). Problematika protivodejstviya religiozno-politicheskoi ideologii islamizma v kontekste obespecheniya natsionalnoj bezopasnosti Rossii [Problems of counteraction to the religious and political ideology of Islamism in the context of ensuring the national security of Russia]. *Rossiya i musul'manskij mir* [Russia and the Muslim world] No. 3 (321). pp. 5–19. (In Russian).
 16. Shangaraev, R. R. (2020). *Istoriya islama i musulmanskih narodov Rossii. Khrestomatiya* [History of Islam and Muslim peoples of Russia]. Kazan': ID MeDDoK. 308 p. (In Russian).
 17. Shul'zhenko, N. V. (2009). Islamskij radikalizm i ego ugrozy dlya natsionalnoj bezopasnosti gosudarstva [Islamic radicalism and its threats for the national security of the state]. *Sotsial'nye praktiki i sotsial'noe prognozirovanie* [Social practices and social forecasting] ed. by I. F. Yarul'in. Khabarovsk: Izdatel'stvo Tikhookeanskogo universiteta. pp. 98–108. (In Russian).
 18. Shul'zhenko, N. V. (2009). Migratsionnye protsessy v strukture zhiznennykh problem Dal'nevostochnogo Federal'nogo okruga Rossii [Migration processes in the structure of vital problems of the Far Eastern Federal District of Russia]. *Sotsial'naya realnost' v regional'nom izmerenii* [Social reality in the regional dimension] ed. by I. F. Yarul'in. Khabarovsk: Izdatel'stvo Tikhookeanskogo universiteta. pp. 33–43. (In Russian).
 19. Yarkov, A., Starostin, A. (2018). Musulmane Kamchatskogo kraja v panorame vekov i obstoitel'stv [Kamchatka Region Muslims in the Panorama of Centuries and Circumstances]. *Musul'manskij mir* [The Muslim world] No. 2. pp. 24–28. (In Russian).

20. Yakh"yaev, M. Ya. (2012). Prichiny radikalizatsii islama v sovremennom mire [Reasons for the radicalization of Islam in the modern world]. *Islamovedenie* [Islamic Studies] No. 2. pp. 4–14. (In Russian).

Об авторе

Дударенок Светлана Михайловна, доктор исторических наук, профессор, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-6644-2421, e-mail: dudarenoksv@gmail.com

About the author

Svetlana M. Dudarenok, Dr. Sci (History), professor, Institute of the Far East Peoples History, Archeology and Ethnography, Feb RAS, Vladivostok, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-6644-2421, e-mail: dudarenoksv@gmail.com

Поступила в редакцию: 11.06.2022

Received: 11 June 2022

Принята к публикации: 11.07.2022

Accepted: 11 July 2022

Опубликована: 30.09.2022

Published: 30 Sept. 2022